

ЗАПИСКИ РУССКОГО СОЛДАТА

Азанов И. Н.

12+

Иван Николаевич Азанов

Записки русского солдата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59019217

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга отца – самая главная в моей жизни. Отец был очень скромный человек, вовсе не писатель. Про войну не любил рассказывать, но я был «прилипчивым», всё время тормозил его. Рассказывал он очень интересно, поразительно правильным русским языком, который не часто встретишь и у интеллигентной «публики». Долго упрашивал его записать рассказы, но он ругался, смеялся, говорил, что "он же не писатель". А незадолго до смерти присел к подоконнику и в школьных тетрадках написал удивительную книгу. Нам только осталось перевести её в электронный формат. Книга оборвалась на гибели его любимого командира в бандеровской засаде. Отец тяжело переживал гибель «Бати» и не смог продолжить книгу, разволновался. В книгу не вошло множество эпизодов. Может, так и лучше. В книге солдатская правда о войне, об упорстве советских солдат, голодных, измождённых, без командиров упрямо стремящихся к фронту, чтобы снова громить врага. И поразительно нежное описание родных мест, за которые, собственно, и воевал солдат.

Содержание

Начало жизни.	7
Родня	13
Чужой	16
Сёстры	20
«Мать»	23
Учёба	25
«Отец»	28
Родные места	29
Семья	31
Армия.	34
Дальний Восток	34
Западная граница	46
Война.	49
Начало	49
На Львов	54
Львов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Иван Азанов
Записки русского солдата

Азанов Иван Николаевич (1919–1983)

Воспоминания рядового Великой Отечественной войны.

Писал осенью 1982 года.

Начало жизни.

Милые мои детки. Милые мои внуки. Давно мне хотелось рассказать о моём житье-бытье, да всё недосуг было. А то лень одолевала. Так вот по этим, наверно, причинам и не собрался до сего дня начать это доброе дело. Сегодня решил, и попробую. А вот удастся ли, сумею ли, пока и сам не знаю. А попробовать надобно. И вот по какой причине: я, например, о своём отце знаю очень мало, а о его отце и того меньше. Всё потому, что он говорить или не хотел, или не умел, или тоже времени не нашёл. Знать о его житье-бытье, хотелось, правда, ведь? Даже фотографии отца и мамы моей нет. Нет не только у меня, по моей вине нет – их ни у кого нет. И не потому, что их не сохранили, не уберегли. Их, милые мои, просто никогда не было! Я, пожалуй, не стану утверждать, по какой причине, потому как мне о том они не говорили.

Может греха боялись, может времени не нашли, а может фотографа не было. А может, какие другие причины. Так вот, мне – сыну их, трудно представить, вообразить их портрет, тем более их жизненный путь. А вам, наверно, совсем не подсилу такое. Так вот, чтобы не ставить внуков и правнуков моих в столь трудное положение, я и хочу рассказать хотя бы о своём жизненном пути. Пока ещё не забыл.

Так вот, с вашего позволения, я и начну. Родился я, по своей и божьей воле, в деревне, в мужицкой семье, да – у

обыкновенного рядового деревенского мужика. Деревня Погорелка. Кто, когда и почему её так назвал, не знаю. Это в Пермской губернии, Оханском уезде, в Дворецкой волости. Это по дороге из села Дворец на завод Нытва. Если поедешь, так в пяти километрах от села Дворец и стоит эта деревня.

Она не просто так, рядовая деревня. Это деревня славная! Её далеко вокруг все мужики знали: потому, что в ней большая мельница есть. Мужики за тридцать и больше километров на эту мельницу приезжали зерно на муку молотить. Или перловую крупу делать. Или гречку от шелухи обдирать. Ещё многие привозили лес на доски пилить, или дуб толочь, чтобы потом, при выделке кож или овчин, было чем их дубить.

Так что деревню нашу люди широко знали. Мельница эта – водяная, от водяных колёс в то время, когда я родился, работала. Пруд, где вода скапливалась и хранилась, чтобы колёса было чем крутить. Монахи строили это давно, когда ещё мой дедушка не родился. Давно это было. Местные мужики, да даже девки и парни помогали. Землицы-то далеко возили, да и много. Кому-то и копать и возить было надо. Плотина та большая, чуть не полкилометра в длину будет. Да и высокая. Поди, метров шесть, а то и семь будет. Это на реке Нытва, что ниже плотины Нытвы. А выше плотины в пруд там три ручья собрались в одну точку: скресками называют это место-то. А как эти ручьи называются, если бы на карте посмотреть, то я не знаю.

Местные мужики так их рассохами называют, да и бабы

тоже: Большая Рассоха, Малая Рассоха, и Средняя Рассоха. Ну, про пруд я потом расскажу. Если не забуду. А если забуду, так вы напомните. Да, по дороге, когда доедешь от села Дворец до Погорелки, так до завода Нытвы можно доехать по правому берегу через деревню Зеленята, деревни Казанцы, Еловики, Шумиху, Бабуши. Потом через Нытвенскую плотину и на Нытвенский базар. Можно и по левому, через деревню Зорино, Лебяжий лог, деревни Кукуй, Хлупово, Дубровино, Усть-Шерью, мимо деревни Патраков. А тут спустимся под Фаруткину гору и в самой Нытве окажемся. До базара рукой подать, совсем рядом.

Деревня наша не большая, но и не совсем маленькая. В окрест её далеко меньшие есть. В деревне нашей дворов тридцать, поди, наберётся, я точно-то не знаю, потому, что я из неё маленький ушёл. Меня унесли в другую деревню, соседнюю, Петрованово называлась она. Примерно в километре от Погорелки она стоит. Да, вот так. Завернули меня в тряпки разные, и унесли. На шутку, вроде бы, мол, если шибко плакать станет, так обратно принесём. А если не будет плакать, так пусть у вас и живёт. И я не знаю теперь, или я мало плакал, потому и оставили, не понесли к родителям. Или я плакал много, хорошо, добросовестно, да махнули на меня рукой, мол, поплачет да перестанет, два не будет. Да так и оставили.

Соорудили мне коровий рог с коровьей же титькой, вместо соски, да и стали меня через этот рог молоком кормить.

Я помню, уж ходил хорошо, но с этим рогом не расставался. Соску настоящую-то купить надо, да ещё где её купишь, а тут всё под рукой. То хлеба жёваного в рот сунут. Ну а потом кашами да киселями разными подкармливать стали. Так я и прижился в чужой семье. Когда мне рог был не нужен или я сыт, или спать лягу, так его сунут в кружку с остатками молока и поставят на окошко, либо на стол. Он и стоит, пока снова не понадобится. Мухи в этом роге целым роем питаются. Понадобится рог, махнут рукой, разгонят мух, рог мне в рот сунут. А мух, какие в кружку упали, в молоко, какой-нибудь лучинкой, или соломинкой выбросят.

И давай мне в рог подливать, да приговаривать: «Ешь, давай, ешь да расти большой». Если мух тех сотни на моей посуде танцы разводили, да у каждой мухи на каждой лапе микробов тысячи, так вот и посчитайте, какие же числа микробов в мой желудок попадало? Но видимо, все они в моём желудке умирали, потому, как я-то не умер! А вот братья мои, да сёстры, а их у меня было много – я у мамы двадцать третьим родился. Да после меня ещё двое родилось. Всего-то нас у мамы было двадцать пять детей, из них я четвёртым в живых остался. У тех, двадцати одного ребёнка, микробам, видимо, хорошо жилось, потому мои братья и сёстры поми- рали. Редко кто из них до году доживал.

А больше всё младенцами умирали. Болеть-то я, правда, часто болел, да за жизнь крепко держался. Выжил. Теперь про рог расскажу, через который я маленький питался.

Уже шестьдесят с лишним лет прошло с тех пор, он у меня как сейчас перед глазами. Дело было вначале лета, на втором году моей жизни. Семья, в которой я теперь жил, несколько дней назад перебралась в летнюю избу, потому, как она была побольше зимней и светлее. Багажа, мебели было мало и я с удовольствием бегал вдоль по полу, резвился. Перед вечером моя новая мать принесла лукошко щепы и разных деревянных обрезков, чтобы утром протопить русскую печь, чтобы готовить обед на семью.

Эта новая для меня вещь привлекла моё внимание. Я подошёл к лукошку, заглянул, увидел там обрезки от досок и брусков разных размеров, конечно, заинтересовался ими. Стал их доставать из лукошка и складывать их на лавку, рассчитывал утром, как кубиками поиграть ими. Увлёкся этой работой, выронил, а может и положил свой рог в лукошко, чтобы не мешал работать. Наложил кучку обрезков, ну и занялся строительством. Забыл о своём милом роге. Потом пришла «мама», скидала щепу в печь вместе с рогом. Увидела мои запасы, схватила их и тоже бросила в печь, не смотря на мои просьбы и мольбы оставить их. Ну, я, конечно, расплакался. Плакал горько и долго, очень уж обидно было, что не дали поиграть такими хорошими кубиками.

Подошла бабушка, стала меня уговаривать, успокаивать, пообещала, что мы утром с ней пойдём и наберём ещё лучше этих. Ну и эти обещания успокоили меня, и я уснул у бабушки под боком. Когда проснулся утром, захотел кушать. Ста-

ли искать этот злополучный рог, его нигде не было. Потом я вспомнил, что он был в лукошке, сказал об этом бабушке. Подошли мы с ней к печке, а там уже догорали остатки от всего того, что было загружено в печь. Тут же мне соорудили другой, новый рог. Но ведь это же был не тот рог, к которому я привык! Этот новый я, конечно, не принял, ни разу не взял его в рот. Тот-то был почти белый рог, только с одного боку был чёрненький клинышек. А этот совсем чёрный. И титька та была изжеванная, мягкая, белая. А эта почти чёрная, твёрдая, маленькая. И вот с этого дня я стал пить молоко из кружки, через край и стал сам орудовать ложкой. С этой поры и помню я события, наиболее важные, или скажем значительные, которые касались меня или моих близких.

Родня

Например, в это лето 1921 года помер мой дедушка, Антон Васильевич, это отец моего отца. Я его как сейчас вижу живого и здорового. Последний раз я его видел зимой в морозную пору, сидящего на печи, ноги в худеньких валенках поставил на голбец. Локтями оперся на колени и разговаривал со мной. Я был на руках у мамы и смотрел на него немножко снизу – вверх. Его портрет: седые волосы, подстриженные, как говорится, «под горшок», лицо морщинистое, борода седая, длинная, клином. Усы не длинные, густые. Рубаха синепёстрая, опоясана красной покроемкой. На похоронах я не был, потому не помню процедуры похорон. В это же лето померла бабушка Наумишна, это мать моего приёмного отца, её живую почему-то очень смутно помню. Лучше помню её одежду. Особенно хорошо помню один из последних эпизодов, связанных с ней: телега с запряжённой в неё маленькой чёрной лошадкой въезжает на Петровановский мост. На телеге стоит белый гроб. На гробу сидит её младшая дочь Арина. Я бегу с угора к мосту и плачу, хочу, чтобы меня взяли с собой в церковь и на кладбище. Но меня с бабушкой отправили домой.

В то же лето, я бегал по ограде. В ограде была наша чёрная комолая корова. И вот, что-то я не понравился ей! Она меня своей головой столкнула с ног! Когда я упал, она меня тол-

кала по ограде, и я катался, как бочонок, кричал бабушку! Бабушка меня и выручила. А вот когда меня лягнула наша белая кобыла, этого я не помню. Помню только, что у меня очень болели губы, и помню, когда я смотрел в зеркало, так у меня через рассеченную губу виднелись зубы.

Говорили, что я был в шоковом состоянии и меня долго откачивали, пока я очнулся. В это же лето, перед уборочной, уже после сенокоса, бабушка пошла по какой-то надобности, к моей родной маме. Меня она не хотела брать с собой и от меня она хотела скрыть это намерение. Но я понял, что она идёт к моей маме, стал просить, чтобы меня взяла с собой. Тогда бабушка решила меня обмануть. Сказала мне: «Я сейчас схожу в верхний огород, ты подожди меня. Потом пойдём вместе». Я, естественно, поверил, остался под сараем и терпеливо ждал. Потом понял, что меня бабушка обманула. Через верхний огород косою тропинкой вышла на большую дорогу и ушла в Погорелку. Я пошёл следом. А ждал-то я долго, бабушка той порой ушла далеко.

Пока я бежал по полю по косою тропе, а она шла по ржаному полю. Для меня это было не далеко, но я не мог видеть, я бежал молча. Когда же я вышел на большую дорогу, а бабушки не видно, я потерял уверенность, а сюда ли ушла бабушка? Я горько заплакал, и, всё-таки, бежал вслед за бабушкой. Навстречу мне шла девушка из соседней деревни Исаково, Марьяна Александровна. Ей в ту пору было двадцать слишком лет. А мне ещё два не исполнилось. И вот она меня встре-

тила более чем в полукилометре от деревни, плачущего. И я у неё спрашиваю, не видела ли она мою бабушку? Отвечает: «Нет, не видела». В свою очередь спрашивает меня: «А ты Ваня, чей?» Ну, я, сквозь слёзы отвечаю ей: «Да я бабушкин!» Она-то меня знала хорошо и бабушку мою видела – она ей встречу попала. И разговор обо мне у них был.

И она меня убедила, что бабушка или дома, или ушла в другое место. Уговорила меня пойти домой и проводила до дому. Потом все посмеялись надо мной, что я «бабушкин»! И уже в школу ходил, то ходил мимо их дома. Частенько встречались с ней. Не знаю только, понимала ли она, что дороже у меня не было человека, чем бабушка. После нескольких подобных обманов я бабушке плохо верить стал. К рекам же других людей вообще относился с недоверием. Мало стал разговаривать, на вопросы отвечал не сразу. Подумаю вначале, что ответить. Порой и совсем не отвечал. От чужих людей не брал никаких угощений. Стал молчалив и задумчив. То, что я жил в чужой семье, это я понял рано, как только стал соображать, смог оценивать отношение ко мне.

Чужой

Но я не знал ещё, что я чужой. Потому часто задумывался, почему же ко мне относятся не так, как к моим сверстникам в других семьях? Этот вопрос мучил меня с тех пор, как я стал себя помнить. И я всегда искал на него ответ. Порученное мне дело всегда стремился выполнить хорошо, добросовестно. Всегда стремился следить за своими действиями и поступками, чтобы не вызвать гнева окружающих меня людей. Потому, как часто за мои оплошности расплачивался телесными наказаниями. Вначале шлепками, тычками, затем и подзатыльниками. А когда подрос, то пошёл в ход отцовский ремень, чересседельник и прочие домашние вещи. А лет с семи-восьми пошло в ход всё, что под руку попадало: сковородник, ухват, полено дров и др.

Семья, где мне пришлось расти, состояла из следующих лиц: дед – глава семейства, Вшивков Ананий Фёдорович, в возрасте восьмидесяти лет. Среднего роста, широкоплечий человек, с отменным здоровьем. За жизнь свою ни разу не обращался в больницу. Всё время чем-то занятый человек, всегда в работе. Волосы темно-русые, подстриженные под горшок. Борода и усы – рыжие. Борода не длинная, но широкая. Нос и щёки с густым румянцем. Глаза серые, злые. Особенно, когда я окажусь на его пути. Или не во время попытаюсь заговорить с ним. Разговаривал редко, и то больше

жестами. Правую руку вытянет, указательным пальцем вперёд. Я и должен знать, что он хочет: или подать ему какой-то предмет, инструмент. Или сам я должен удалиться в этом направлении. Когда я угадаю его желание, то он, молча, примет то, что я подаю и мне можно побыть около него. Если же я не угадал его желание, то он рявкнет, как медведь! Нож или топор, или что другое, мало ли в хозяйстве вещей, которая нужна ему в сей миг.

Тогда я должен молнией вскочить и бежать за тем, что ему нужно. Когда подам, тогда молчит. Так мы с ним прожили бок-о-бок шесть лет. За это время что мы только с ним не переделали. И лапти плели, и грабли делали, и кадушки под капусту чинили. Сушили хлеб в овине. Ходили за пчёлами. Весной, во время роения пчёл, караулили на пару выход роев. Он в нижнем огороде – я в верхнем. Или, наоборот, по его усмотрению. Где матка раньше петъ начала – там он караулит, где позже – там я. Но, бывало, и ошибался он: там, где я караулю – рой вперёд выйдет, чем у него. Моя обязанность заключалась в том, чтобы укараулить момент выхода роя, уследить, куда он привьётся, и, не дай бог, – улетит! Я должен задержать его. И надо деду дать знать, что у меня рой пошёл.

Инструменты для этого в моём распоряжении: ведро с водой, веник и сабан с боронным зубом, подвешенным на черёмуховый куст. Когда на мой звон приходит дед, я должен идти на его место и караулить там. Летом во время медо-

сбора я тоже ходил с ним, то подать таз, то нож, то дымарь, то подать створки от улья. Под осень на пару с ним собирали черёмуховые ягоды, малину. Вот за земляникой я бегал в вересники со своим сверстником, Колькой Пашкиным. Это тоже была моя обязанность, кружку земляники к ужину, во что бы то ни стало, иначе мог получить очередную порцию ремня. Её хлебали с молоком и с хлебными крошками. Малина росла в верхнем огороде, около гумна. Её мы собирали обычно с бабушкой.

Родился дед в этой же деревне, был единственным сыном у родителей. Потому имел большой надел земли. И его отец тоже был единственным наследником. Потому многие поколения пользовались одним и тем же клочком земли. Не знаю, сколько её было, но точно больше, чем у других соседей.

Помер дед зимой 1925 года, мне шёл шестой год. Молотили хлеб на своей деревянной молотилке силами своей семьи. Дед целый день гонял лошадей, сидя на беседке ваги. Простыл, отказался от ужина. Забрался на полати и там заснул. Наутро объявил, что заболел, плохо себя чувствует. Заложило в груди. Помню, это было в пятницу.

Привезли фельдшера, Тимофея Александровича Иванова. Он осмотрел его, пошутил с ним: «Ничего, Ананий Фёдорович, скоро поправишься, вот у Ивана Наумовича на девишнике спляшем вместе с тобой». А отцу дорогой сказал: «Положение более чем серьёзное, навряд ли справится. Двухстороннее воспаление легких, в 86 лет одолеть сложно.

Надежды мало». И на следующей неделе, в четверг, деда не стало. Морозы в то время стояли крепкие: сорок-сорок пять градусов.

Бабушка, Вшивкова Арина Михайловна, родилась в деревне Зорино. В многодетной семье. Было у них четыре брата и три сестры. Старший брат её, Сергей Михайлович, рано стал главой семьи, потому, как отец их, Михаил Петрович, помер в молодом возрасте. Второй брат, мой дядя Степан Михайлович, жил до глубокой старости, тут, в родной деревне Зорино. Третий брат, Гурьян Михайлович, тоже жил в Зорино. Четвёртый брат, Евсей Михайлович, в молодом возрасте ушёл из деревни. Жил вначале на станции Верещагино, работал стрелочником. Построил огромный деревянный дом недалеко от вокзала. Потом переехал в Пермь, тоже работал на Железной дороге. На Разгуляе построил двухэтажный дом. До пенсии работал и жил в Перми. По выходу на пенсию построил дом на станции Сылва, жил там до конца своих дней.

Сёстры

Старшая – Наталья Михайловна, вышла замуж в деревню Заверниха, около Верещагино. Там и прожила свою жизнь. Вторая сестра – Арина Михайловна, вышла замуж в деревню Петрованово, за Анания Фёдоровича. Это и есть мои дедушка и бабушка. Младшая сестра Мария Михайловна, вышла замуж в деревню Погорелка, за Азанова Николая Антоновича, вот это мои папа и мама настоящие, которые произвели меня на этот свет. Как сложилась семья Анания Фёдоровича и Арины Михайловны, для меня это белое пятно. Из обрывков рассказов разных людей в разное время, у меня сложилась такая картина: в молодости Ананий Фёдорович был постоянным посетителем кабака. Там проводил дни своей молодости, часто там и ночевал, в углу за бочкой. Не только был постоянным посетителем, но и своим человеком. Кабак этот содержали в Погорелке семья Праздничных. Кто-то мне рассказал, что когда там разгуливал дед, хозяйкой кабака была пожилая женщина. Напротив кабака, через дорогу жила тётка Арины Михайловны, богатая и властная старуха. Арина Михайловна у неё часто гостила, или прислуживала ну и, видимо, встречалась с Ананием Фёдоровичем.

Потом у неё появилась дочь, Евдокией крещённая. Арина Михайловна её до последних дней своих Дунькой звала, и никак больше никогда не называла. Так вот потом Ананий

Фёдорович с Ариной Михайловной сошлись, и стали вместе жить. В церковь венчаться ездили, когда уже Дунька была большая. Она мне сама рассказывала про свадьбу родительскую. Земли у деда много было, да работали на ней батраки, то один, то два, а то и три, когда он в кабаке обосновался. Дошло дело до того, что в один из годов хлеба не хватило до свежего урожая. Батраки похозяйничали. Поехал он в деревню Исаково, хлеба мешок занять у Фёдора Михайловича. Тот посмотрел на него, головой покачал: «Ладно, говорит, дам я тебе хлебушка мешок, и два. Но прежде песенку спою, да ты послушай. И на другой раз уж не приезжай ко мне, я и зёрнышка не дам тебе». И прочёл деду нотацию: что мол, самому в поле надо работать и самому хлебушко в амбар складывать и расходовать по мере надобности. Нахлебников да жуликов из дому разгони, чтобы они на своей земле кормились.

Горьким видимо, показался деду занятый хлеб. Забросил он кабак. Привёл домой Арину Михайловну. Хлебушка больше заимовать не ездил. На базар сам тоже не ездил, если что сошлось на продажу, так Арина Михайловна всё и продавала. Или он считать не умел, или боялся, что пропъёт выручку – не знаю, только так было. С ней он тоже обращался страшно грубо: как я рассказал, пальцем показал, так бегом подавай, не то получишь! Тем, что в руки на ту пору попадёт. Бабка рассказывала, что однажды дед запрягал лошадь и бабка что-то не угадала ему подать ли, сказать ли, так он в

неё дугой запустил, бабка увернулась, дуга ударилась о землю одним концом, потом со звоном, как камертон, полетела дальше гулять по под-сараяю. Но толи бабка бойкая была и много раз увёртывалась от таких посылок, толи они не часто случались или умела угадывать его желания, только бабка его пережила.

«Мать»

Дунька, дочь ихняя, то ли гены от деда унаследовала, толи научилась от него, во всяком случае, точная копия его была. Тупа была, как сибирский валенок, жадна, самолюбива и зла, как самый хищный зверь. Во времена ликбеза я сам потратил много времени, чтобы научить её читать. Да где там, ни одной буквы так и не усвоила! В первые годы её замужества купили ей швейную машину с ножным приводом. Маялась она с ней несколько лет, да так и не сшила ни одного шва на ней. Продали.

На моей памяти, ещё в деревне жили, в ту пору бабка уже больна была, Дунька хозяйничала. Я ещё маловат был с лошадью управляться, потому нанимали на лето подростка, парня. Двоюродного брата мне и Дуньке, Александра Степановича. Так она ему в любой день работы находила от темна и до темна. В любую погоду, в праздник или будний день, в дождь ли, в слякоть ли. А вот накормить его со всеми наравне, по-человечески, за одним столом – боже упаси! Не было такого!

Когда сами поедем, тогда меня посылает: «Иди, зови Санка обедать». Пойду, Санка приведу, а на столе огромная чашка капусты и каравай чёрствого хлеба, такого, что когда его режут, так нож скрипит в нём. Когда парень одолеет эту чашку капусты, тогда ему несколько ложек плеснёт чего-нибудь:

супу или молока с творогом. Потом, когда он уйдёт на работу, полдня Дунька охает: «И куда это жрёт тако место?» Молодой, здоровый парень, наработавшись до-упаду, понятно, аппетит отличный! Человек больше желудка не съест. В то время было всё, что угодно. Потом и на моём желудке экономить стала, когда туго приходилось со жратвой. Чтобы свой поплотнее набить!

Учёба

Зимой 1933 и 1934 годов я учился в Карагае в пятом классе. Жил на квартире у Егора Алексеевича, в Кузнецях, а они, мои «родители», жили в Савино, около Менделеево. На выходной я ходил пешком в Савино, двенадцать километров. В выходной я питался вместе со всеми. А вот на неделю мне готовила Дунька котомку, на её содержимом я и жил неделю. Кушать свои подорожники я стеснялся за столом, прятал их от хозяйкиных глаз. Но хозяйка, ныне покойная, Анна Владимировна, однажды заглянула в мою котомку. И, как я понял, в ужас пришла! У меня, один-на-один, тихонько спрашивает: «У тебя что-нибудь, кроме того, что в мешке-то лежит, есть что съестного?» Нет, говорю, Анна Владимировна, вот всё, что «мама» положила. На ужин ставит мне тарелку супу и кусочек хлебушка положила. «Садись, да поешь, хоть не богат ужин, да по-человечески». Потом стакан молока налила. «А «это», что в твоём мешке лежало, я корове дала, так она есть не стала. Как же ты, матушка, жевал такую дрянь?»

«Что же, говорю, мне делать-то, Анна Владимировна? Голод-то не тётка, жрать-то хочется». Да так я пол зимы у них и питался. А потом наши в деревню Харичи переехали, так я стал каждый день домой ходить. Шесть километров туда, шесть – обратно. Из мёрзлой картошки кашу хлебать. Пока жива была Арина Михайловна, «бабушка», мне жилось

сносно. Она меня любила, подкармливала и от побоев берегла, когда случилось такое в её присутствии. Ещё маленького, бывало, сунет меня себе между ног, а руки вытянет в Дунькину сторону и кричит: «Дунька! С ума сошла! Изуродуешь парня-то! Что ты делаешь, опомнись!» А у той глаза с кровью, рожа от злобы перекошена и лезет напролом, того и гляди, и старуху изобьёт!

Ну, а когда умерла бабка, тут уж нам один-на-один приходилось воевать. Сначала я больше ногами, да хитростью спасался от побоев. Но вот в Нижней Курье в бараке № 18 пришлось самому в атаку пойти. Дело так вышло. Играли мальчишки из нашего барака возле барака, на улице, и что-то перочинным ножиком стругали. Я там не был, не видел, что именно. Один мальчишка, Павликом звали его, порезал себе палец, да и здорово. Заплакал, побежал домой. Ну, дома и спрашивают: «Кто тебя?» Тот сдуру ли, с перепугу ли, сказал, что я. Родители его, видать тоже не из умных были, побежали моим жаловаться. А Дуньке только повод дай, она на расправу скорая, ума и вовсе не было, чтобы разобраться, что к чему? Прихожу я домой, с её же поручением, про дело ничего не знаю, не опасаясь ничего. Прошёл положить то, что принёс.

Дунька той порой вооружилась отцовским фуганком, и около дверей – оказалось, выход мне перекрыт. Идёт этакий зверь-зверем и фуганок над головой! Ну, думаю – пропал! Убьёт! Сработал инстинкт самосохранения: я со всей силой

бросился на неё. И ударом головы в её живот, сбил её с ног! Перепрыгнул через неё и убежал. Двое суток не приходил домой, жил в лесу между Курьей и Закамском. Потом голод заставил идти домой. С этого дня она стала бояться меня и уже в драку не лезла. Зато языком здорово работала, да и на желудке моём здорово отыгрывалась. Всё, что было съестного – всё под замком держала. Давала мне по кусочку, с выдачи. А сама много раз мне на глаза попадала с чем-нибудь лакомым, так в рукав прятала, будто я не вижу, что она делает.

А этот Павлик, что подвёл меня, вскоре после этого случая, зимой дело случилось, выпрыгнул из вагона рабочего поезда на ходу и под колёса попал. Остался без обеих ног, и пенять не на кого.

«Отец»

Приёмный отец мой, Андрей Наумович, этот вроде и доброй души человек, да не своим умом жил. Когда один-наодин с ним разговаривали, бывало, так вроде всё наговорит, а потом всё не так, как говорил, подделает. Бывало, ещё мне маленькому насулит три короба, а потом ничего не купит и не сделает, как обещал. Потому я ему рано верить перестал. Когда я побольше стал, тогда понял, что у него рабская душа. Родился он в бедной малоземельной семье. От отца маленький остался. Он старшим был. Как на ноги встал, так пошёл батрачить по разным деревням, у мужиков, что побольше земли имели. И в армию ушёл из чужой семьи, от Анания Фёдоровича.

В армии денщиком служил у ротного командира. И там рабом проболтался, ничему не научился. В Первую Мировую войну на фронте мало был, попался в плен. И там за кусок хлеба батрачил то в Германии, потом во Франции. Когда из армии вернулся, Ананий Фёдорович его прибрал в дом, т. е. женил на Дуньке. Он так всю жизнь и был в батраках. Хозяина из него не вышло. Дунька его до последнего дня поколачивала.

Родные места

А вот деревня Петрованово мне очень нравилась. Тихо в ней было, до боли в ушах. Тишина! Зимой, когда в тихую погоду снег валится, так от падения снега шум слышался, вроде шипения. А летом, если кто на телеге проедет вдоль по деревне, так от телеги-то шуму на всю деревню, а потом опять тишина. А зелени было столько, что трудно рассказать. Просто, вся деревня в лесу! У нас на усадьбе без счёту деревьев было. И черёмуха, кустов двадцать, не меньше, и калины огромный куст. А берёз – тех вообще без счёту. И осины, и ивняк разных пород. В хорошие летние дни над всем этим пчелиный гул стоял, такой приятный, деловой гул. А запахи! Черёмуха ли цветёт, рябина ли, или калина. Даже во время цветения ивы – и то густой, медовый аромат в воздухе стоял.

Сразу за деревней густой еловый лес. В лесу небольшие луга. Когда они зацветут, так от запаха голова вокруг идёт! А в другую сторону от деревни пруд. Что за чудо этот пруд! На моей памяти глубина только по руслу была на плёсах, на мелководе, но и то по старицам метров до двух глубина была. По руслу – метра четыре-пять, где как. Крупной, ценной рыбы уже не было. Ни шук, ни жереха, ни судака. Ни язя. Раньше-то всё бывало. На моей памяти плотва, шеклея да налимы были. Да карася много было. Краснопериков вёдрами дед носил, да раков. Раков особенно дед любил. Больше

никто раков не ел, кроме нас с дедом.

По плёсам целые поля камыша да осоки росло. В ветряную погоду как лес шумели эти заросли. Вода летом чистая, хоть камушки считай! Чаек на пруду водилось огромное множество. Такие чистые, белые, как вымытые. Головки чёрные, лапки красные. А глаза, как рубиновые камушки! Да смелые такие, что под ногами бегали, а раскричатся – так на берегу разговаривать трудно, заглушают человеческий голос! Гнёзда на прошлогоднем камыше строили. Яйца ихние лодками возили.

Семья

Дед мой родной по отцу, Антон Васильевич, родился в Погорелке. Их два брата было. Второй брат – Лука Васильевич. Жили рядом, через дорогу, только земли имели не много. Но было можно прожить на своей земле. Да потом он зимой работал на мельнице, дуб толоч. И людям и для казны. Отец мой был единственный сын у отца, так что потом вся его земля досталась по наследству. А вот у Луки Васильевича два сына было: Николай да Андрей. Они тоже не делили отцовскую землю. Старший сын Николай остался на отцовской земле, а Андрея в дом отдали в деревню Ведерники, или Кожевники. Так вот у отца моего не знаю точно, сколько земли было, но голодом не сидели, несмотря на то, что у отца правая рука плохо работала – в локте не гнулась.

Когда я родился, тогда мать моя тоже уже не вполне здорова была, а детей в живых трое было. Дочь старшая уже большая была, приданое готовила. Старшему брату, Степану Николаевичу десять лет было. Он в отца пошёл, выглядел молодцом, крепышом. Отец на него все надежды возлагал. Второй брат, Леонид, шести лет был, да болел всё время. На него махнули рукой, мол, всё равно умрёт, сколь помается. Ну а тут я появился. Видимо, решили, что я-то всё же ни к чему, лишний рот, да от дел отрывал, уход нужен. Мать больная, а сестре невеститься надо. Ну и отпустили меня на

божью волю. Выживёт, так выживёт, а нет – так бог не забыл. И мало кого интересовало моё житьё-бытьё.

Со мной мало разговаривали, боялись, что я узнаю, что в чужой семье живу. А знать-то я про то лет четырёх или пяти знал. Маму и папу мне полагалось дядей и тёткой звать. А я никак не называл, язык не поворачивался. Зато меня не любили никто, упрямым звали, самовольником. Отец сокрушался всегда: «Ох, мало тебя драли, ох, что из тебя выйдет!» Старший брат, крёстный мой, тот вообще со мной разговаривать избегал, считал ниже своего достоинства. Когда старикам письма писал, так обо мне спрашивал: «Что там дурак-то делает? Всё не поумнел?» Однажды я зашёл к нему, когда после ФЗУ уже работу искал. Думал, может, поможет чем, брат ведь всё-таки? Так он мне показал, где окошечко в отдел кадров на судозаводе. И бумажник свой, а в нём штук пять двадцатирублёвых бумажек. И сказал: «Вот как надо жить-то!» Да потом мы и расстались.

Мой другой брат Леонид, тот охотно болтал языком при каждой встрече, но чтобы что-то дельное сказал, что-то не помню такого случая. Больше бывальщины, да небылицы рассказывал. Жаловаться мне на свои обиды некому было, потому я молчал, как не было их. С мамой у меня однажды состоялся откровенный разговор. Было это в конце 1935 года, когда я после ФЗУ в депо Верещагино работал слесарем. Да на Октябрьские праздники решил на родину свою посмотреть, охота стало. Братья отправились на колхозный

праздник пьянствовать, отец в караул ушёл. Мы с мамой одни «с глазу-на глаз» остались. Она настолько была слаба да больна, что сама ни встать, ни лечь не могла, я и остался с ней, чтобы поухаживать за ней. Братья и меня на гулянку звали, да я отказался. Я ведь в колхозе не работал и на готовом пировать не научился ещё. Молод.

Ну и мы с мамой всю ночь проговорили до утра. Она мне про свою жизнь всё про всё рассказала, я ей про свою всё. Поплакала она за ночь много раз, потом говорит мне: «Зажги-ко свечу, да подай мне икону, я тебя благословлю, может больше и не увидимся». Она верующая была. Ну а я спорить с ней не стал, исполнил все её желания. И сказала она мне: «Живи, как знаешь, не мне тебя учить, будь счастлив!» Потом велела положить все инструменты на место. По её и вышло: больше мы уже не встретились с ней, она померла в сентябре 1936 года. В 1940 году помер и отец. Я в то время на востоке в Армии служил. Похоронены оба они без меня на Дворецком кладбище. Теперь на том месте лес стоит. Так что могилки ихние непросто отыскать.

Армия.

Дальний Восток

В армию призвали меня в Коми-Пермяцком округе, из села Юсьва, 20 сентября 1939 года. В городе Кудымкаре была врачебная комиссия. Смотрели все врачи-специалисты. У меня обнаружили грыжу белой линии живота, но признали годным к строевой службе. Ночью нашу команду номер 75 погрузили на три машины ЗИС-5 по 25 человек на каждую и отправили на станцию Менделеево. Дорогой машина, на которой ехал я, где-то около деревни Ракшино, в лесу слетела под мост в сухой лог. Высота моста два с половиной – три метра, но машина не перевернулась, а встала на колёса. Людей никого не покалечило, отделались простыми ушибами и то несколько человек.

Машина вышла из строя: поломались все четыре рессоры, но своим ходом ушла обратно в г. Кудымкар. Мы же разместились на оставшиеся два «Захара» и без приключений доехали до станции Менделеево. Здесь у моих «старых», а они жили и работали на нефтебазе, распили ящик водки. При сём присутствовали мои товарищи: Андрей Петрович Казанцев, Иван Иванович Соловьёв, Егор Иванович Рискос, старший нашей команды и братан, Пётр Степанович Коро-

таев, заходили и несколько сотрудников нефтебазы, и соседей по нефтебазовскому дому, где жили старики. Потом мы погрузились в эшелон, заняли два двухосных вагона. Разместились на голых нарах и так ехали до Свердловска. В городе Свердловске перешли в другие вагоны и опять же на голых нарах ехали до города Челябинска.

В Челябинске оформили настоящий воинский эшелон, т.е. подали вагоны с нарами, печками, снабдили тюфяками, вёдрами для воды. Потом вывели эшелон за город, там набили тюфяки соломой. В эшелоне была походная кухня. Прошли через санобработку и баню. После всего и отправились в долгий путь, тряслись в этом эшелоне двадцать двой сутки. Пункт назначения наш был в Приморье, разъезд Сибучар. Километрах в шести от Сибучара стоял 151-й кавалерийский полк, который входил в 31-й кавалерийский дивизион. Сибучарский гарнизон был довольно обширен. В нём были и пехотные, и артиллерийские, и танковые полки. Гарнизон имел свой ипподром, баннопрачечный комбинат. Прибыли мы в полк 8-го октября. Полмесяца были в карантине. Жили в отдельной казарме, в столовую ходили тоже отдельно от старослужащих.

В полку было одно каменное здание, где помещался полковой клуб и полковая кухня, а так же котельная. Казармы были деревянные, рубленые. Отопление казарм печное. Столовая досчатая, засыпная. Конюшни солдатской постройки, построены на один эскадрон. Конюшня эта примерно на 250

лошадей одно здание. В казарме располагалось два эскадрона на двухъярусных койках. Проходы между койками малы, можно пройти только боком.

До декабря мы были на строительных работах. Потом начался учебный год. Распорядок дня: Подъём в шесть ноль-ноль. Туалет в 6.30. До восьми уборка лошадей, до восьми тридцати – завтрак. До девяти часов политинформация. Потом четыре часа занятия. С 13.00 до 14.30 – уборка лошадей. С 14.30 до 15.00 обед. С 15.30 занятия. В 8.30 уборка лошадей. В 9.00 ужин. В 10.00 личное время. В 10.30 вечерняя поверка. В 10.40 вечерняя прогулка. В 11.00 отбой.

Когда началась Финская война, то нам добавили ещё час занятий. Так что с шести утра и до одиннадцати вечера всё время бегом. На перекур давали пять минут формально, на деле их никогда не выдерживали, всегда опаздывали, хотя всё время спешили. Командир взвода, младший лейтенант Туманков, имя-отчества не помню, был человек дельный, толковый. Своё дело знал очень хорошо, очень спокойный человек. В полку был на хорошем счету, солдат уважал. Но был и требователен, и справедлив, чего не скажешь о командирах отделений и помком взвода. Это были чурки с глазами. Службисты до самозабвения. За готовую кашу готовы служить сто лет! Только бы не выгнали! На солдат могли лаять с подъёма до отбоя. За восемь месяцев службы с ними я от них не слышал нормальной человеческой речи, одни команды или нотации.

С 8-го октября пятнадцать дней мы были в карантине. Потом занимались строительством. Материалов не было никаких: ни леса, ни пиломатериалов, ни даже гвоздей! Строили овощехранилище. Ходили в лес, срубали деревья, несли их на плечах к месту строительства. Тут одни копали яму, потом ставили столбы. К столбам набирали стены, засыпали их землёй. На столбы ложили прогоны, связывали их рамой и вдоль стен и поперёк. На прогоны ставили стропила. Верх стропил связывали брёвнами. Потом на эти связи и стены настилали брёвна поперёк этого сооружения. Вот этим рядом брёвен образовалась и крыша, и потолок. На потолок накидали травы, вернее, сена. Засыпали слоем земли, а сверху покрыли дёрном. Инструмента на всю нашу братию несколько топоров, десятка два лопат и бухта четырёхмиллиметровой проволоки. Вот это вся строительная техника и инструмент.

После этого стали строить умывальник. Опять ставили столбы, к ним прибавляли жерди. Между жердей переплетали хворостом или как там называли – лозой. Потом всё это сооружение обмазывали землёй. Когда земля подсохнет, образуются щели. Стены штукатурили, белили изнутри и снаружи, и так помещение готово. Крышу делали так же, как на овощехранилище. Где-то до конца декабря я толкся со всеми наравне, чувствовал себя нормально, хотя питание было не из хороших. Чувствовали себя всегда голодными. А вес не теряли. Поэтому права на дополнительное питание не имели.

И вот так, под конец декабря, подкралась ко мне болезнь

исподтишка, как говорится. Стал я себя чувствовать очень усталым. Дрожь в руках и ногах. При ходьбе с трудом переставлял ноги. Когда удавалось присесть, то через несколько минут засыпал. Разбудить же меня стоило больших трудов. Утром на подъёме спал до тех пор, пока меня кто-то не растормошит руками. Звуковые сигналы на меня не действовали. И, что самое прескверное, это то, что стал сонный мочиться под себя в постелю и даже не по одному разу в ночь. А спал я на койке верхнего яруса, т.е. подо мной спал такой же человек. Да и мне, мокрому от коленок до ворота, сушить мокрое бельё на морозе не очень приятная процедура. Случилось первый раз, я посчитал, что это случайность, неприятная случайность.

На следующий день повторилось снова, потом снова и снова ещё, и ещё. Я стал бить тревогу. В первую очередь я объяснил положение старшине. Попросил перевести меня спать на койку нижнего яруса и заменить мой матрац на списанный, какой не жалко выбросить. Старшина пошёл мне навстречу: забрал помстаршины к себе в конторку, меня положил на его место. При этом сохранил мою беду втайне дней шесть-семь. Я обратился в полковую санчасть за помощью. Военфельдшер меня обругал, осмеял и выгнал, не помог ничем совершенно, даже не выслушал моих жалоб по-человечески: «Симулянт! Служить не хочешь! Знаем мы таких!» Постоял я, посмотрел, повернулся и ушёл.

Прошло ещё дня два-три, пошёл снова к другому воен-

фельдшеру. Получил то же самое. Хожу с трудом и думаю: «Что же, это конец? Так на ногах и изгниём? Что-то же не в порядке со мной?» И жаловаться некому. Писать рапорт – полгода пройдёт, пока дойдёт до кого-то толкового, да и дойдёт ли? А болезнь любая, когда её затянешь, лучше прогрессирует с каждой минутой. Мысли одна другую обгоняет, одна другую выталкивает. Была и такая: на худой конец, если не смогу ничего добиться – застрелюсь. Но это последняя мера. Прежде надо искать другой выход. Решил, начал действовать.

В один из дней, утром, первый час занятий: конная подготовка. Выехали на плац. Команда: «Проверить ковку, седловку! Садись!» Я стою рядом с лошадыю, команду не выполняю. Подъезжает ко мне помкомвзвода. Кричит: «Почему команду не выполняете?!» Говорю: «Не кричите, не выполняю». «Почему?!» – кричит. Говорю: «Не твоего ума дело, иди, докладывай по начальству». Поехал он, доложил командиру взвода. Подъезжает он, спрашивает, как человек человека: «В чём дело, Азанов?» Я ему рассказал просто, по-человечески, всю историю о заболевании и о той реакции медиков полка на мои жалобы. И о том, что я не могу и не хочу чахнуть на ногах, как старый пень. Решил идти прямо до конца. Или меня освидетельствуют медики, достойные этого звания и будут лечить, или признают годным для продолжения службы и расстреляют, как симулянта.

До тех пор, пока не решится этот вопрос, я не выполняю

ни одного приказания, от кого бы оно не исходило. Вплоть до наркома обороны. Младший лейтенант выслушал меня, ни разу не перебил мою речь, не задал ни единого вопроса. «Ну, что ж, Азанов, смотри, я поехал докладывать командиру эскадрона. А ты веди лошадь на конюшню, расседлай, и к командиру эскадрона в канцелярию». Когда я пришёл в казарму, взводного там не было. Захожу в казарму, стучу в двери канцелярии. Слышу короткое «да», открываю дверь. Вхожу, докладываю: «Рядовой Азанов явился по приказанию младшего лейтенанта Туманкова!» Командир эскадрона, старший лейтенант, пожилой мужчина выше среднего роста, широкоплеч, строен, как свеча, с сильным голосом, с сединой на висках. Сидит за столом. За другим столом сидит его помощник, тоже старший лейтенант.

Командир эскадрона смерил меня взглядом сверху вниз, потом снизу вверх: «Что? Служить не хочешь?!» Зарычал своим басом с хрипотцой, выговаривая слова нараспев. «Почему же, – говорю, служить я готов, да вот болезнь терзает меня, а помощи, лечения, не могу добиться». «Так я тебя сам, говорит, вылечу. Расстреляю!» Опять таким же тоном рычит. Ну что же, говорю, идём, кусты рядом, стреляйте, я вам спасибо скажу. За то, что мучиться не буду. «Как стоишь?!» Опять рычит. Я посмотрел мысленно себя, что же не так, не понимаю. Стою, всё как полагается. «Дежурного ко мне!» Я повернулся, вышел в коридор, кричу: «Дежурный! К командиру эскадрона!» Вошёл дежурный, вошёл и я. Де-

журный доложил. Командир эскадрона приказывает: «Двух солдат с винтовками ко мне!»

Дежурный повторил приказание и вышел. Командир эскадрона опять давай на меня рычать. Слов его повторять нет нужды, да я их и не старался помнить. Сорок с лишним лет прошло. Явились два солдата с винтовками. «Отведите в штаб полка, сдадите дежурному». Повели меня, как преступника, под двумя винтовками. Привели. Дежурный отпустил солдат, а меня сопровождал в кабинет командира полка, майора Хвостова. Больше я о нём ничего не знаю. С ним за одним столом сидит и комиссар полка. Батальонный комиссар Бочаров, если мне не изменяет память. Майор Хвостов, маленький, шустрый мужичок, с бабьим писклявым голосом, но резким и сильным. Кричит так, что ушам больно: «Что, служить не хочешь? Я заставлю служить или сам расстреляю!» «Мне, говорю, уже обещал то же самое, старший лейтенант такой-то. Пошли, говорю, в кусты. Не здесь же вы будете меня стрелять». Он замолк.

А краска на лице так волнами и ходит. Соскочил на ноги, бегаёт по кабинету. Комиссар начинает потихоньку: «В чём же дело, товарищ Азанов? Может в эскадроне что-то не нравится? Может с начальством что-то не так? Может что-то дома не в порядке?» Я говорю: «Я сюда приехал не к теще на блины. Начальство, какое бы не было, всё начальство и не мне его выбирать. А дом у меня, как у всякого солдата: где ранец, тут и дом, другого у меня нет. Я считаю, что если

я одел шинель, то не перестал быть гражданином СССР. А всякий гражданин СССР имеет право на лечение. Поэтому я требую медицинского осмотра квалифицированных медиков. И не иметь больше дела с нашими полковыми коновалами. Найдут болезнь – будут лечить. Не найдут – расстреляют. И это тоже не плохой конец. Больше я ничего не имею вам сказать».

Командир полка всё это слышал, но когда я закончил говорить, снова закричал: «Что хитришь? Видали мы и не таких мудрецов, да ломали! Я выбью из тебя хитрость, на гауптвахте сгною и т. д. и т. п.! И так до девяти часов, без обеда и без ужина, что уже является ЧП в армии. К девяти часам вечера командир полка вызвал солдата и две лошади из нашего эскадрона к штабу полка. В моей больничной книжке сам написал направление в дивизионный медсанбат: «Направляется красноармеец Азанов для медицинской экспертизы». И его подпись и печать. И вот, в десятом часу мы прибыли в медсанбат. Я отдал направление дежурному врачу. Тот прочитал, позвонил по телефону кому-то, потом ещё кому-то. Через полчаса собралось шесть человек медиков. Что за звания у них, я так и не знаю. Но знаки отличия у всех присутствующих – ромбы. У кого один, у кого два, у кого и три, и четыре.

Я разделся догола, и они меня вертели, как хотели, все по очереди. Потом предложили пойти одеться. Я оделся. Показали место, сел к столу, началась беседа. Задавал вопросы

один врач, остальные сидели молча.

Вопрос: «Водки много пили?» Ответ: «Да, думаю, железнодорожную цистерну выпил».

Вопрос: «Сколько же выпивали за раз?» Ответ: «Полтора литра, и ни кто не говорил, что я пьян».

Вопрос: «Сколько выпивали в день?» Ответ: «Не знаю, никогда не мерял, может полведра, может ведро, может меньше».

Вопрос: «Сколько времени выпивали?» Ответ: «Два года без выходных, а раньше пореже».

Вопрос: «Горчицы много употребляли?» Ответ: «Ложку на тарелку супу и около на второе».

«Так, хорошо. Подождите в коридоре». Вышел в коридор, хожу, жду приговора. Минут через десять выносят мою книжку, говорят: «Вот здесь назначения, будете лечиться в полку». Спасибо, говорю, до свидания. И читаю латынь, хотя её сроду не знал. Прочитал: «Стрихнин по 0,0001 раствор. Пантокрин 30 капель ежедневно». Книжку в карман, на лошадь и в полк. Захожу в штаб полка, спрашиваю: «Где командир полка?» Дежурный говорит: «Ушёл домой, тебе велел доложить о результатах в любое время». Поехал на квартиру. Стучу, спрашивают: «Кто?» Докладываю: «Красноармеец Азанов, ваше приказание выполнил». Открывают дверь. Вхожу, подал книжку, он посмотрел. «Вот что, товарищ Азанов, поезжайте сейчас же в санчасть, передайте, что я приказал сейчас же начать лечение». Я повторил приказа-

ние, повернулся и вышел. На коня и в санчасть.

Там налили мне мензурку пантокрина и сделали укол. Поехали мы на конюшню, там расседлали коней и в казарму, спать. Наутро на меня весь эскадрон смотрел, как на заморскую диковинку, страшную и опасную. Ну а потом пошло всё своим чередом, если не считать того, что младшие командиры меня готовы были проглотить без соли. Да бог не выдаст, свинья не съест. Они следили буквально за каждым моим шагом и при всяком случае были готовы наградить нарядом-двумя вне очереди. За восемь месяцев службы я их набрал столько, что ни у кого столько не было во всём полку. Да я ещё мало бывал во взводе. С 20-го декабря я был на курсах снайперов по 20-е февраля. Потом с 15-го мая по первое августа был на курсах водолазов.

С первого августа по двадцатое августа был на сенокосе. Везде в других местах с другими людьми я был такой же, как все. Никто ни к чему не придирался, всё было в порядке. И жил нормально, и ходил нормально, и сам себя содержал в порядке, и лошадь в порядке, и амуниция в порядке, оружие в порядке. Как только появлюсь во взводе, так начинается: то оружие грязное, то лошадь, то амуниция, то шпоры грязные, то сапоги. В конце августа 1940 года меня перевели в другую часть, в 105-й отдельный батальон связи. Квартировал он на станции Лазо. Распорядок здесь был далеко легче, питание лучше. Одно было хуже: зачислили меня в учебную роту. Учили на младших командиров. Это значило, что слу-

жить надо будет три года, тогда, как рядовому – два года. С месяц держали меня в учебной роте, потом поняли, что я бестолковый и учить дальше нет смысла.

Перевели в хозяйственный взвод ездовым. Дали мне пару лошадок да бричку. Стал я ездить по хозяйственным делам батальона. То за продуктами, то за имуществом для батальона. Потом стали возить дрова из тайги километров за двадцать. Когда же вывезли все дрова, стали возить сено за пятьдесят километров с лишним. День едем туда, за ночь грузим возы да кормим лошадей. На следующий день едем обратно. Никого старшего с нами нет, сами себе хозяева. Питание берём сухим пайком, в деревне готовим сами. Так служить можно.

Но 17-го апреля нас десять человек из батальона посадили в эшелон со всеми солдатскими пожитками. Начиная с ружейной маслѐнки, постельным бельѐм, шубой и валенками. Повезли на западную границу. Ехали двадцать суток. Прибыли на новое место службы четвѐртого мая.

Западная граница

Восемь человек из десяти нас направили в 61-й танковый полк, который квартировал в местечке Судовая Вишня, Дрогобычской области. Двоих наших оставили при штабе дивизии в городе Грудек Егиленский. За командира взвода поставили к нам старшего сержанта, третьего года службы. Он был участником боевых операций при освобождении Западной Украины в 1939 году. Человек грамотный, развитый и очень смелый, и решительный, и добрый. К нам относился как к товарищам. На занятия уводил нас подальше от части, чтобы не мозолить глаз начальству, и там оставлял одних. Кто хочет спать – спите, кто хочет читать – читайте. Сам уходил в деревню к какой-то вдовушке. К обеду точно в срок приводил в полк. Вечером назначал в наряд на городскую ЦТС, два человека в штаб полка, два человека на полигон, когда там шли боевые стрельбы. Так прошёл май и половина июня 1941 года. Потом нам дали пополнение майского 1941 года призыва, около двадцати человек.

С молодыми проводили занятия, а нас, стариков, посылали только в наряд. Молодым выдали оружие, у нас его не было. Старший сержант Сосков ждал вызова в военное училище, потому, как у него давно был подан рапорт. Нам он не раз говорил: «Вам придётся воевать. Я уеду в училище, а вы будете воевать». «Откуда вам это известно?» – спрашивали

мы. «Откуда, это дело моё, а когда начнётся война, вспомните меня». В половине июня ему пришёл вызов, и он уехал в училище. К нам прибыл молодой лейтенант из Саратовского военного училища связи на должность командира взвода.

Жили мы май и июнь в трёхэтажном доме на третьем этаже. Сперва старики в одной комнате, потом с молодыми в двух комнатах. Спали на двухъярусных деревянных нарах. Вначале июля переселили нас в одноэтажное деревянное здание, длинное, низкое. На торцах здания были ворота вместо дверей. Окна маленькие, под потолком. Это бывшие конюшни. Койки железные, стояли в три яруса. Проходы между койками узкие. Одним словом, набили нас туда, как сельдей в бочку. Вообще наш городок находился на территории и в помещениях конного завода, ничего не было приспособлено для нормального человеческого жилья. Овощехранилища и толкового склада не было. Квашеная капуста для столовой валялась под солнцем, даже навеса не было. Бочки нагревались, донышки вылетали. Мух рои вились возле них.

Когда наварят капусты, так не надо спрашивать, что на обед, на весь городок стоит запах, так, что челюсти выворачивает от кислятины. Танки в полку были всех марок, начиная с тех марок, что остались от гражданской войны. Кончая БТ-5, Т-33, Т-37. Нас, стариков, в полку знали многие. Мы же знали только командира полка, начальника штаба, и командиров батальонов, и некоторых командиров рот. Служба

шла, осенью демобилизация.

Война.

Начало

21 июня, часов около пяти вечера наш командир взвода пришёл из штаба полка, и говорит: «Ну, кто завтра хочет в город? Разрешено отпустить в увольнение». До этого нас никого не отпускали. Правда, мы через два-три дня ходили в наряд на ЦТО, поэтому бывали в городе. Потому особого желания не проявили, да и в городе у нас не было знакомых, а так идти, болтаться, по городу мало интересу.

Потом объявил новость: приказали организовать пост ВНОС, около штаба полка. Достал из планшетки список личного состава, пошарил по нему и объявил: «Азанов пойдёт старшим. И вот вам двое молодых. Пройдите к дежурному по штабу, он вам поставит задачу». Мы отправились в штаб. Через десять минут вернулись за имуществом. Забрали катушку кабеля, два телефонных аппарата, пошли выполнять задание. На крыше соседнего со штабом полка трёхэтажного здания поставили один телефонный аппарат. На столе дежурного по штабу полка второй аппарат. Проверили связь – работает. Доложили дежурному по штабу, что связь работает. Пошли на свой пост. Посидели на крыше до темноты, в воздухе никто не появлялся. В летнем полковом клубе начи-

налось кино. Я забрал своих помощников, пошли смотреть кино. Картина шла «Тайга золотая».

Часов около десяти приходит начальник штаба полка и командует: «Прекратить картину! Развести людей по подразделениям». И тут послышались команды целой очередью: «Первый взвод выходи строиться, четвёртый взвод становись!» Нас это не касалось, я втихую забрал своих подчинённых и отправились на свой пост. Молодых я положил спать, сам остался дежурить. В небе стояла ночная тишина. Зато в городке началась кипучая деятельность. К складу подходил одна за другой автомашины. Слышался характерный стук. Грузили боеприпасы. Машины уходили в лес километра за три-четыре на сборное место. Через некоторое время послышался гул моторов в танковом парке. Потом и лязг гусениц. Танки тоже уходили в лес. Часов около трёх ночи шумы стали затихать. Это значит, что люди и техника перекочевали в лес. Я разбудил одного из молодых, сам лёг и уснул. Велел разбудить меня, если что-то будет новое, интересное. Молодому рассказал, что наблюдал сам и на что он должен обращать внимание особое.

Часов в семь я встал, сам наблюдал, что происходит в городке. Офицерский состав был на ногах. В штаб полка входили и выходили офицеры и в одиночку, и группами. Солдат в городе не было. Если и появлялись, то в одиночку и очень редко. Часов около десяти утра 22 июня появился над городом немецкий самолёт, но в то время я не знал, что он

немецкий и что он разведчик. И опознавательные знаки мне тоже не удалось рассмотреть. Я доложил дежурному по штабу: «Над городом появился самолёт, марки не знаю, опознавательных знаков не разберу. Самолёт ходит кругами над городом». Через минуту из штаба полка вышла группа офицеров. Вначале смело вышли на асфальтовую дорогу, потом стали жаться около стенки здания штаба, рассматривая самолёт в бинокли, передавая их из рук в руки. Но чей именно самолёт, было не ясно.

В предшествующее время были часто случаи инцидентов на Румынской границе. А с Германией только в мае был подписан мирный договор. Это сбивало с толку не только меня, но и многих других. Через некоторое время в штаб полка пришёл наш командир взвода. Звонит мне: «Азанов, снимай связь, приходи в старое наше жильё». Когда мы пришли с имуществом, он повёл нас на продовольственный склад, получать концентраты. Паёк НЗ на трое суток. Получили, стали делить на третьем этаже каменного здания. В это время раздалось несколько взрывов, да так, что дом, в котором мы находились, стал качаться сантиметров на десять. Как потом выяснилось, самолёты бомбили кофецикорную фабрику, расположенную за железной дорогой, метрах в четырёхстах от нашего городка.

Потом мы сходили на склад боепитания, получили винтовки и патроны, и ручные гранаты. Ремней к винтовкам не было, так мы их плели из телефонного кабеля. Потом взвод-

ный нас повёл в лес, на сборное место. Там были уже поставлены две лагерные палатки. В одной из них сидели два командира отделений и что-то читали, или писали. Пролетели над лесом два наших самолёта И-16 на малой высоте, за ними два «мессершмита». Через некоторое время послышались пулемётные очереди, потом мессеры, возвращаясь, дали очередь по палатке, где сидели сержанты. Пробоины оказались между сержантами. Палатки быстренько смотали и сунули под ёлку, и уже больше не ставили.

К ночи начальник штаба полка приказал нашему взводу и комендантскому взводу занять оборону по периметру военного городка. Проще сказать, по забору бывшего коневодческого завода. Наш командир взвода нас расставил, кому, где окапываться. За ночь мы выкопали окопы в полный рост. Спали по очереди. Настало утро, около города было всё тихо. Где-то вдаль, на западе, была слышна канонада. Наш взвод был расположен по стенке ограды, обращённой к железной дороге. До неё напрямую было метров сто пятьдесят до переезда. Через неё метров около двухсот. Часов в 10–11 утра на железнодорожном переезде появился мотоцикл трёхколёсный, на нём два человека. Мы доложили взводному, он посмотрел в бинокль и отдал команду: «Взвод, залпом, пли!» Оба мотоциклиста оказались убиты. Потом послал нас трёх человек за мотоциклом. Мы пригнали мотоцикл и забрали документы у убитых. Долго гадали, кто эти убитые, но так и не решили. Подошёл начальник штаба полка, мы показали

документы ему. Он объявил нам, что это военные Германской армии. Потом начальник штаба приказал сниматься с обороны и идти к штабу полка, и грузиться на танк Т-37. Через полчаса мы на танке двигались по шоссе на город Львов. Проехав километров пятнадцать-двадцать, догнали полк пограничников.

На Львов

Они, сменённые полевыми войсками, приняли на себя первый удар Германской армии. Выглядели незавидно. Полураздетые, много босых, совершенно голодные. Много раненых, повязки грязные. Мы спешили, уступили место пограничникам, поделили свои запасы продовольствия. Наш танк ушёл с ними. Уехал и начальник штаба. Командира нашего взвода начальник штаба полка послал обратно в городок с задачей: взорвать склад боеприпасов. Выполнил ли он своё задание, не знаю. С этого часа мы не видели больше ни начальника штаба полка, ни нашего командира взвода. Метались с кем и как придётся, по дороге теряя людей по самым разным причинам. Вплоть до того, что люди по дороге падали от тепловых и солнечных ударов.

На первых днях войны ещё считали себя дисциплинированными солдатами. Не смели что-либо бросить. Потому были перегружены. На дворе стояла сорокаградусная жара. Тащили всё солдатское имущество, это около тридцати килограмм. Проходили за сутки до девяноста километров. Ноги были сбиты в сплошные раны. На некоторых рубежах останавливали нас наиболее рьяные офицеры. Кричали на нас, размахивая пистолетами: «Стой! Куда, трусы, паникёры! Становись!» И вели нас «занимать оборону»... Наметят линию, где должны быть окопы. Дадут задание: «вот от и до,

чтоб было выкопано!» Ну, мы копали обычно ночью до утра. А утром же окажется, что никого из офицеров с нами нет. Мы одни, рядовые, да сержанты. Связи нет ни с кем, а порой даже соседей нет ни справа, ни слева.

Ну, сидим в окопах, пока немцы не шугнут. Потом стали сниматься до появления немцев. Но, всё равно, потом шагали, или бежали у них на глазах. Немцы обычно висели буквально на пятках, обстреливая из автоматов, пулемётов и миномётов. Частенько и из артиллерии. Самолёты, особенно истребители, гонялись, да, именно гонялись за одной повозкой, даже за одним солдатом. Где-то, перед г. Львовом, мне с несколькими солдатами удалось пристроиться к колонне автомашин. Мы их догнали в поле. Колонна попала под обстрел автоматчиков и остановилась. Когда мы подошли, нас попросили помочь. Когда мы разместились по машинам и двинулись дальше, то по колонне дали ещё несколько очередей. Мы открыли ответный огонь, и благополучно добрались до Львова.

Львов

Я ехал на одной из машин армейской бани. На окраине Львова колонна остановилась, чтобы уточнить маршрут движения, ну и минут 15–20 стояли. Местные жители собрались около колонны огромной толпой, угощали хлебом, молоком, короче говоря, у кого что было. Местные рассказали, что в этом районе у них была группа немцев. Что уже многие местные пострадали от них, особенно евреи. Откуда они и как попали сюда, выяснить не успели. Или это был авиадесант, или полевые войска, не знаю. Потом опять разместились по машинам и двинулись через город в направлении на г. Киев.

Моё место службы перед началом войны, как я уже говорил, с 4 мая до 22 июня 1941 года – Судовая Вишня в Дрогобычской области. Первый драпмарш под командой начальника штаба полка, звание майор, фамилии не помню, на город Львов. В центре Львова первое боевое крещение. Одна из улиц Львова уперлась в костёл, а на нём пулемёт!

Улица завалена телефонными столбами, столами, сундуками, ящиками и прочим хламом. Когда голова колонны подошла к этому завалу, пулемёт открыл огонь по колонне. И, одновременно, из окон домов, с чердаков, начался обстрел колонны. Люди, что находились на машинах, покинули машины, укрылись по дворам, за стенами домов, заборов. Кто куда успел, и тоже открыли огонь. Немцев в этой части горо-

да не было, обстреливали нас местные националисты. Примерно через час перестрелки подошёл наш танк Т-33. Танкистам показали местонахождение пулемёта. Они первыми выстрелами уничтожили эту опасную огневую точку. Да так удачно, что кто видел эту сценку, закричали «Ура!» и покинули свои убежища. Снаряд попал в каменную стенку, чуть пониже пулемёта, взрывом оторвало часть стенки. Она обрушилась вниз и вместе с ней и пулемёт и пулемётчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.